

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Халиуллина А.Г., Макарова В.Ф. Философские параллели в новелле «Превращение» Ф. Кафки и повести «Озерная рыба» Ф.Байрамовой // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76694 EDN: DELGTQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76694

Философские параллели в новелле «Превращение» Ф. Кафки и повести «Озерная рыба» Ф.Байрамовой

Халиуллина Альбина Габитовна

ORCID: 0000-0002-1392-1867

кандидат филологических наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра татарской филологии и культуры; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, респ. Башкортостан, г. Уфа, Кировский р-н, ул. Заки Валиди, д. 32, каб.411

✉ ahmali76@mail.ru

Макарова Венера Файзиевна

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник; отдел литературоведения; Институт языка; литературы и искусства имени Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

420111, Россия, Респ. Татарстан, г. Казань, ул. К.Маркса, 12, каб. 3

✉ makarova_vf@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76694

EDN:

DELGTQ

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2025

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу новеллы австрийского писателя Франца Кафки «Превращение» (1912) и повести татарского писателя Фаузии Байрамовой «Күл балыгы» («Озерная рыба», 1984) в контексте интертекстуальности и традиции репрезентации анималистических/мифических метафор, выполняющих функцию художественного обобщения и раскрывающие ключевые социально-

философские интенции авторов. Несмотря на культурные и временные различия, данные произведения объединены сквозным мотивом метаморфозы и проблемой отчуждения. Предметом исследования определены философские темы (параллели) и национально-художественные различия в их раскрытии. Центральной темой исследования является трагедия личности, отвергнутой обществом из-за своей отличительной внешности. В центре научного изыскания находится репрезентация трагической коллизии между индивидуальным сознанием, маркированным как «другой», и репрессивными структурами коллективного социума. Методологический аппарат исследования включает сравнительный метод, герменевтический, философский, культурологический анализ, что позволяет всесторонне раскрыть специфику художественного мира писателей. Научная новизна заключается в том, что впервые исследуется повесть «Озерная рыба» Ф.Байрамовой в сравнении с новеллой «Превращение» Ф.Кафки. В результате анализа, проведенного в данной статье, исследователями выявлены общие мотивы в вышеуказанных произведениях: метафорическое превращение, экзистенциальное отчуждение личности и утрата идентичности. Несмотря на схожесть исходной ситуации (сохранение человеческого сознания в «чужом» теле – насекомого у Ф. Кафки и рыбы-девушки у Ф. Байрамовой), авторы по-разному раскрывают трагедию. Ф. Кафка через абсурд и нормализацию чудовищного показывает пассивное принятие героем своего отчуждения в бездушном обществе, что рождает чувство безысходности. Ф. Байрамова через психологизм и «поток сознания» изображает активный, жертвенный протест героини. Её трагедия связана с конфликтом индивидуальности и коллектива, а финал, несмотря на гибель, оставляет трагическую надежду, укорененную в национальной мифологии. Авторы статьи подчёркивают, что, опираясь на интеллектуальную аллегорию, Ф. Байрамова поднимает повесть до уровня философского обобщения о потере человеческой сущности, проблеме свободы личности и вечном конфликте между индивидуальностью и коллективом.

Ключевые слова:

образ рыбы-девушки, образ насекомого, трансформация, метаморфоза, психологизм, трагедия одиночества, конфликт, литература абсурда, философская проза, сравнительный анализ

В истории всемирной литературы существует устойчивая традиция использования образов мыслящих и чувствующих животных и насекомых, которые служат инструментом для социально-философского и эстетического анализа. Эта галерея берёт начало в античности («Золотой осёл» Апулея (II век до н.э.)) и продолжается в XX веке такими ключевыми произведениями, как «Превращение» (1912) Ф. Кафки, «Собачье сердце» (1925) М. Булгакова, «Клоп» (1928) В. Маяковского, «Скотный двор» (1945) Дж. Оруэлла, «Хроники Нарнии» (1950-1956) Клайва С. Льюиса, «Жизнь насекомых» (1993) В. Пелевина и др. Ярким примером рецепции новеллы самого Франца Кафки «Превращение» являются произведения «Превращение» (1946) Р. Бредбери и «Превращение II» (1988) М. Успенского. В конце столетия татарская писательница Ф. Байрамова, опираясь на авторскую концепцию миропорядка, пополняет этот ряд повестью «Күл балыгы» («Озерная рыба», 1984), где центральный образ – гибрид рыбы и девушки – выступает связующим звеном с предшествующими текстами, наглядно демонстрируя явление интертекстуальности.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современного

литературоведения к транскультурному анализу, направленному на выявление универсальных идей и архетипов в рамках национального и жанрового разнообразия. В центре такого анализа часто оказываются общегуманистические ценности. Несмотря на культурно-исторические различия, фундаментальные основы человеческого бытия – вера в любовь, потребность в живом общении, ощущение принадлежности к общности – остаются неизменными. Одновременно с этим, мотив экзистенциального отчуждения, ведущего к личностной трагедии, выступает одной из ключевых проблем мировой литературы. Противопоставление этих категорий – общечеловеческой связи и разрушительного отчуждения – определяет необходимость сравнительного изучения произведений, принадлежащих к различным культурным ареалам.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ повести Франца Кафки «Превращение» (1912) и повести Фаузии Байрамовой «Күл балыгы» («Озерная рыба», 1984). Основной фокус работы направлен на выявление схожих и дискретных признаков в поэтике и проблематике произведений, а также на определение общей для них гуманистической философской идеи.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Провести сравнительный анализ центральных образов-метафор в повестях: насекомого («Превращение») и рыбы («Озерная рыба»).
2. Выявить и систематизировать общие мотивы, такие как мотив физической и психологической трансформации, семейного отчуждения, утраты идентичности.
3. Определить специфику авторского воплощения темы отчуждения в контексте западноевропейского экзистенциализма (Ф. Кафка) и восточной национально-культурной традиции (Ф. Байрамова).
4. Сформулировать общегуманную философскую идею, объединяющую произведения Ф. Кафки и Ф. Байрамовой, несмотря на их культурно-исторические различия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы, полученные в ходе сопоставительного и концептуального анализа, могут быть использованы при дальнейшем изучении современной прозы, в частности, творчества Ф. Байрамовой. Они также применимы в академической практике – при чтении курсов по литературному анализу художественных произведений, выявлению концепции развития литературной мысли изучаемой эпохи.

Теоретическую основу исследования составили исследования в области мифопоэтики и интертекстуальности, а также достижения современной филологической науки в области анализа художественного текста, системы образов.

Художественный мир новеллы Франца Кафки «Превращение» стал предметом пристального внимания довольно большого количества зарубежных и отечественных литературоведов. В своих работах эти ученые сосредоточились на текстуальном анализе произведения, интерпретируя его ключевые темы в контексте модернистской традиции и своеобразия поэтики Ф. Кафки.

Творчество татарской писательницы Ф. Байрамовой анализируется в трудах таких исследователей, как Д.Ф. Загидуллина ^[5], которая рассматривает его в контексте психологического анализа; Л.Х. Давлетшина ^[4], акцентирующая внимание на мифологизации сюжета; и А.А. Шамсутова ^[11], обращающаяся к религиозно-

философскому контексту. Молодой ученый Б.Х. Ибрагимов [6], выявляя интеллектуальное начало в прозе Ф. Байрамовой, указывает на продуктивность изучения литературных параллелей между ее творчеством и сказочным сюжетом «Русалочки» датского писателя Г.-Х. Андерсена.

Методологический аппарат исследования включает сравнительный метод, герменевтический, философский, культурологический анализ, что позволяет всесторонне раскрыть специфику художественного мира писателей.

В целом, повесть Ф. Байрамовой «Озерная рыба» представляет собой сложное многогранное произведение, в котором синтезируются элементы мифологического реализма, философской притчи и психологической прозы. Её художественное своеобразие и глубина проблематики наиболее рельефно раскрываются при сравнительном анализе с классикой европейского экзистенциального абсурда, в частности, с новеллой Франца Кафки «Превращение».

В центре этих произведений лежит мотив телесной трансформации. Изначальная предпосылка в обоих случаях схожа и носит шокирующий характер: человеческое тело претерпевает чудовищное изменение, переходя в иную, низшую форму – в тело рыбы у Ф. Байрамовой или в насекомое у Ф. Кафки. При этом ключевым условием трагедии является сохранение неизменной человеческой души, сознания и системы ценностей внутри нового, отчужденного тела. Это создает ситуацию фундаментального разлада, экзистенциального кризиса, где читатель осознает весь ужас не физического уродства, а тотального непонимания со стороны окружающих и отчуждения.

Однако каждый писатель достигает сходного эффекта эмоционального и философского воздействия принципиально разными художественными средствами. Специфика и гениальность Ф. Кафки заключается в методичном применении приема абсурдизации и нормализации невероятного. Он повествует о чудовищном событии – превращении коммивояжера Грегора Замзы в жука – как о повседневном, почти обыденном явлении. Тон повествования сух, объективен и лишен какой бы то ни было патетики. Даже сам герой, обнаружив свою метаморфозу, реагирует не криком ужаса, а тревогой об опоздании на работу и практическими проблемами, связанными с управлением своим новым телом. Его рефлексия сосредоточена не на экзистенциальной катастрофе, а на чувстве физического неудобства и социальных обязательствах.

Именно эта индивидуальная особенность героя Ф. Кафки – его прагматизм, привычка к рутине и глубинная покорность – становится главным инструментом раскрытия философского аспекта. Метафора превращения работает здесь на нескольких уровнях. Во-первых, это метафора отчуждения человека в бюрократическом, бездушном обществе, где он ценится лишь как функция. Во-вторых, это метафора телесности как тюрьмы для души и, в-третьих, – метафора вины без вины, абсурдности человеческого существования как такового. Спокойное, почти апатичное восприятие героем собственной чудовищности заставляет читателя с еще большим ужасом осознать, что настоящая трагедия – не в самом превращении, а в том, как легко система (в этом случае семья, работа) отторгает ставшего неудобным индивида, и как сам он внутренне соглашается с этой логикой.

Ключевой особенностью повести «Күл балыгы» («Озерная рыба») Ф. Байрамовой является ослабленная традиционная событийность повествования. Сюжет здесь не движется цепью внешних действий, а строится как «поток сознания» [8, 773] и переживаний главной героини. В повести, маркированной автором как поэма-фантазия,

мир и человеческие отношения преломляются через призму её восприятия, что рождает «сильную экспрессию, плач души» [10, 138]. Этот эффект достигается за счёт точки зрения «рыбы-девушки», чужой в обоих мирах – водном и человеческом. Писатель сумел создать «авторскую модель мира, реализуемую через художественное пространство земли и дна озера, являющихся аллегорическим образом современности» [4, 174-175].

Центральным становится не событие, а состояние: мучительное неприятие собственной новой телесности, описанное с пронзительным психологизмом. «Кинэт мин каршымда үземнең сурәтемне күрәм... Мин, гажәпләнеп, куркып, үз-үземә карап торам. Юк, мин кешегә охшамаганмын. Куркыныч зур яшькелт күзләр, ялварулы караш... һәм бөтенләй чит тән... Таш булып каткан жансыз бер тән. Күккә таба сузылган ап-ак куллар. һәм... балык койрыгы» [2: 68] («Вдруг я вижу перед собой свое изображение... Я смотрю на себя с удивлением и страхом. Нет, я не похожа на человека. Страшно большие зеленые глаза, умоляющий взгляд... И совершенно чужое тело... Бездушное тело, застывшее, как камень. Белые руки, тянущиеся к небу. И... рыбий хвост»), (здесь и далее подстрочный перевод А.Г. Халиуллиной. – А.Х., В.М). Приведённый монолог, где русалка с «удивлением и страхом» созерцает своё отражение – «страшные зеленоватые глаза», «бездушное тело, застывшее, как камень», «рыбий хвост» – является квинтэссенцией этого приёма. Отдельные детали складываются в целостный физический и психологический портрет, где внешнее уродство контрастирует с живой, страдающей душой, что и вызывает мощный эмоциональный отклик у читателя.

Повесть Ф. Байрамовой «на матрице разветвленной интеллектуальной аллегории» [5, 141] поднимает фундаментальные экзистенциальные вопросы. История рыбы-девушки, обитающей в озере, стремящейся к земному человеку, символизирует извечное стремление личности к своему началу, к поиску утраченной целостности. Фраза «Мин үземнең бу күлгә ничек килеп элэгүемне хәтерләмим (...) Мин эле башта үземнең балык икәнемне дә белмәдем» [2, 65] («Я не помню, как я очутилась в этом озере...() Вначале я даже не знала, что я рыба»), указывает на глубинную связь с человеческим обществом, ощущение себя его частью, что делает её изгнание ещё более трагичным. По наблюдению литературоведа Л.Х. Давлетшиной, в творчестве Ф. Байрамовой, через повесть «Озерная рыба», «мотив внеземного происхождения людей и существ, населяющих землю, возникает впервые» [4, 173].

Общество, изображённое в повести, враждебно ко всему, что выходит за рамки обыденного. Земной мужчина, поверивший в девушку-рыбу, подвергается насмешкам; его земная возлюбленная олицетворяет собой коварство и условность человеческих отношений. Любовь русалки, её жертвенность (попытки выйти на лёд, окровавленное тело, ползущее к людям) сталкиваются с непониманием, страхом и жестокостью. Это метафора продолжительной борьбы женщин за индивидуальность и свободу.

Писательница подчёркивает разобщённость людей, их неспособность объединиться ради «общей идеи» – в данном случае, идеи принятия иного. Мир мыслей людей, который способна читать, видеть насквозь, рыба-девушка, полон «безжалостных, подлых, сомнительных» помыслов. Таким образом, главный вопрос повести: кто на самом деле чудовище – внешне непохожая, но любящая и мыслящая рыба-девушка или «бездушное» общество, утратившее милосердие?

Оба персонажа, в сущности, лишены голоса. Если девушка-рыба у Ф. Байрамовой возмущена коллективным движением мелких рыбешек, то это отражает более общую проблему немоты. Эта немота, подобная немоте насекомого у А. Кафки, пронизывает

человеческое существование: сиюминутная суета остается на поверхности, а подлинное, «пресуществленное, скрывается в глубинах души, не умеющей или не смеющей вставить на поверхность моря житейского наши ужасные видения и мечты» [\[1\]](#).

Таким образом, расширенная метафора Ф. Байрамовой – превращение человека в рыбу при сохранении души – раскрывает философские вопросы через уникальные черты своей героини. В отличие от социально-экзистенциального отчуждения у Ф. Кафки, внутренний мир героини Ф. Байрамовой иной. Ее трансформация – это глубоко личное экзистенциальное переживание, вызванное тоской по любимому и безмолвным существованием на дне озера в окружении мелких рыб. Философский замысел образа раскрывается через её уникальные качества – способность читать мысли, парить над водой и всецело верить в любовь, чуждую прагматизму земных людей. «Любовь, понимаемая автором как движущая сила нравственной эволюции человека» [\[4, 174\]](#) создает глубоко эмоциональный фон произведения. Отчуждённость рыбы-девушки от обычного мира, обусловленная связью с природой и устремлённостью к небесам, воплощает метафору телесности как темницы для души, что создаёт прямую параллель с метафорическим миром Франца Кафки. Героиня наделена памятью, которая воскрешает обрывистые картины разных временных моментов трагического прошлого народа, делая ее не просто жертвой обстоятельств, а хранительницей коллективной истории. Г. Гильманов усматривает в повести общественно-политический подтекст [\[3, 98\]](#).

Таким образом, как у Ф. Кафки, так и у Ф. Байрамовой, исходная «жуткая история» является основой для философского обобщения. Однако его конечная форма и эмоциональная окраска определяются не самим фактом метаморфозы, а тем, какими индивидуальными чертами наделен герой и как он взаимодействует с миром через призму своей новой природы. В творчестве Франца Кафки эффект леденящего ужаса достигается через нормализацию абсурда и изображение пассивности «маленького человека», что обнажает механизмы социального и экзистенциального отчуждения. Развивая сходный метафорический каркас, Ф. Байрамова наполняет его иным философским содержанием, выводя на первый план темы утраты человеческой сущности, проблемы свободы личности и извечного конфликта между индивидуальностью и коллективом, которые разрешаются через идею всеобъемлющей любви как поиска утраченной целостности.

Сопоставление с произведением Ф. Кафки «Превращение» выявляет общность в изображении трагедии отчуждения, но и подчёркивает национально-культурное своеобразие произведений.

В обоих произведениях используется приём аллегорического абсурда. У Ф. Кафки метаморфоза Грегора Замзы в насекомое – это яркая метафора, материализующая его ощущение ничтожности и отчуждения в семье и обществе, характерное для западноевропейской литературы того времени. У Ф. Байрамовой превращение в рыбу также является внешним воплощением внутреннего одиночества и «чужеродности» личности. Начав свой литературный путь с психологической повести «Болын» («Луг», 1983), автор в своём втором произведении углубляет психологический анализ, создавая ситуацию, которая позволяет полнее раскрыть внутренний мир человека.

Важнейшим символом в обоих текстах становится преграда. У Ф. Байрамовой – это озеро, покрытое льдом; у Кафки – комната Грегора. Оба пространства одновременно являются убежищем и тюрьмой. Герои предпринимают отчаянные попытки преодолеть этот барьер (русалка бьётся об лёд, Грегор пытается выйти послушать музыку сестры), но

эти попытки лишь наносят им новые душевные и физические раны.

Грегор Замза постепенно примиряется со своим состоянием, его трагедия – в пассивном принятии. Трагедия русалки – в её активном, жертвенном протесте. Она не может смириться и до конца борется за свою любовь и место среди людей. Однако общество в обоих случаях оказывается неготовым к принятию «другого». Оно либо уничтожает его морально и физически, либо доводит до безумия и смерти от отчаяния. Как и Грегор Замза у Ф. Кафки, героиня Ф. Байрамовой сталкивается с жестокостью и непониманием бездушного общества, ее ждёт трагическая гибель: она погибает, отбиваясь о лёд своего родного озера. Земной человек, который поверил в любовь рыбы-девушки, не смог доказать эту истину остальным. Сочтя его безумцем, люди отправляет его в психиатрическую больницу. В этом и проявляется болезнь этого общества.

Смерть Грегора Замзы наступает от гнилого яблока, брошенного отцом. Это не только биологический финал, но и аксиологическое стирание его человеческой сущности. Яблоко, выступая библейской аллюзией на грехопадение и тление, становится инструментом символического умерщвления.

Кафка изображает финальную сцену, где семья, сбросившая с себя бремя заботы о чудовищном сыне, предается светлой, почти идиллической прогулке. Этот эпизод, пронизанный ощущением освобождения и возрождения, демонстрирует жестокий механизм коллективного забвения, где устранение «другого» становится залогом возвращения к гармонии и жизни.

Различие финалов обусловлено авторским стилем писателей. Ф. Кафка описывает смерть Грегора с сухой, почти протокольной бесстрастностью, что усиливает абсурд и ужас происходящего. Татарская писательница Ф. Байрамова, напротив, использует всю силу экспрессии: агония девушки-рыбы на льду, «красные пятна крови», её предсмертная мольба – это кульминация «плача души».

Её гибель и таит в себе надежду: уход в небеса с обещанием вернуться «каплей росы» коренится в диалектике жизни и смерти, в которой сплетаются народная мифология, отголоски исламского мировоззрения и древние языческие верования.

Таким образом, повесть Ф. «Күл балыгы» («Озерная рыба») – это целостное художественное высказывание о трагедии «другого» в бездушном обществе. В повести акцент ставится на внутренний, духовный мир героини, чья экспрессия становится главным сюжетообразующим элементом. Через призму образа рыбы-девушки писатель поднимает остросоциальные и глубоко философские проблемы отчуждения, утраты человеческой сущности, свободы личности и жертвенной любви.

Сопоставление с новеллой «Превращение» Ф. Кафки демонстрирует универсальность темы столкновения личности и общества, но и в то же время подчеркивает национальный колорит произведения Ф. Байрамовой: если Ф. Кафка показывает безысходность и абсурд человеческого существования как такового, то Ф. Байрамова, через связь с народной мифологией и диалектикой жизни, оставляет трагический, но не окончательно безнадежный взгляд на вечное стремление души к свободе и любви, даже ценой гибели.

Библиография

1. Белоножко В. Превращение Владимиром Набоковым "Превращения" Франца Кафки [Электронный ресурс] // Сайт "Франц Кафка". URL: <http://www.kafka.ru/kritika/read/prevrashenie-prevrasheniya>

2. Бәйрамова Ф. Күл балыгы / Ф. Бәйрәмова // Бәйрамова Ф. Моң. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. Б. 65-88.
3. Гыйльман Г. Заман сүз сорый: әдәби тәнкыйть мәкаләләре / Г. Гыйльман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 208 б.
4. Давлетшина Л.Х. Современная татарская проза в контексте актуальной мифологической традиции. Монография, Казань, 2022. 312 с. EDN: UMQEDQ
5. Заһидуллина Д.Ф. Хәзерге татар әдәбияты. Казан: Мәгариф, 2008. 420 б.
6. Ибрагимов, Б. Х. Интеллектуальные тенденции в прозе Фаузии Байрамовой / Б.Х. Ибрагимов // Филология и культура. 2016. № 3(45). С. 96-100. – EDN XCSXZD.
7. Кафка Ф. Превращение: Рассказы, афоризмы. СПб.: Азбука-классика. 2009. 320 с.
8. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. редактор и составитель А. Н. Николюкин. Москва: НПК "Интелвак", 2001. 1594 с. EDN: SBSDDP
9. Татар халык иҗаты: 25 томда. Т.1.: Мифология. Төз Л.Х. Дәүләтшина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. – 511 б.
10. Халиуллина А. Заман һәм герой. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2007. 206 с. EDN VVVCOZ.
11. Шәмсутова А. А. Фәүзия Бәйрәмова прозасы (фәлсәфи-эстетик карашлар, образлар системасы, психологизм һәм мотивлар). Казан: ТДГИ нәшр., 2005. 100 б.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Философские параллели в новелле "Превращение" Ф. Кафки и повести "Озерная рыба" Ф. Байрамовой» представляет собой тщательно разработанное сравнительное исследование, направленное на выявление универсальных экзистенциальных и гуманистических мотивов в произведениях двух писателей, принадлежащих к разным культурным и историческим традициям. Предметом исследования выступает философско-эстетическая природа метаморфозы как художественного приёма, а также проблема отчуждения личности в социокультурной среде. Автор статьи предпринимает удачную попытку не просто сопоставить две ключевые фигуры – Грегора Замзу и рыбу-девушку, – но и рассмотреть их как знаки универсальных экзистенциальных архетипов, объединённых идеей поиска человечности в условиях тотального непонимания и изоляции.

Методологически работа построена на прочной научной основе. Автор использует сравнительный, герменевтический, философский и культурологический методы, сочетая текстуальный анализ с интерпретацией символов, архетипов и мотивов. Такой подход позволяет выявить общие и отличительные черты мировоззрения писателей, показать, как схожие мотивы воплощаются в разных художественных системах – западноевропейского модернизма и татарского неомифологизма. Использование междисциплинарных подходов, включающих мифопоэтику и философию экзистенциализма, придаёт исследованию теоретическую глубину. Однако в рецензируемом тексте методологическая часть могла бы быть расширена за счёт более явного обозначения концептуальных источников (например, ссылок на работы Ж.-П. Сартра, А. Камю или Э. Фромма, к которым так или иначе восходит анализ отчуждения), что придало бы дополнительную стройность и философскую аргументированность.

Актуальность статьи несомненна. В современном литературоведении всё больше

внимания уделяется транскультурным сопоставлениям, которые выявляют универсальные закономерности художественного мышления. Исследование выстраивается в логике гуманистического диалога культур, где Кафка и Байрамова представлены не как представители противоположных миров, а как создатели созвучных по смыслу художественных вселенных. Особую значимость придаёт исследованию обращение к творчеству Фаузии Байрамовой — писательницы, в научной литературе ещё недостаточно осмысленной в контексте мировой философской традиции. Введение в научный оборот сравнительного анализа её повести с новеллой Кафки можно считать важным вкладом в развитие межкультурного компаративизма.

Научная новизна работы заключается в том, что автор рассматривает мотив метаморфозы как общую философскую парадигму, связывающую западноевропейский экзистенциализм и восточную мифопоэтическую традицию. Сопоставление Грегора Замзы и героини Байрамовой строится не по внешним признакам сюжета, а на глубинном уровне — как осмысление духовной дегуманизации общества и попытка человека сохранить внутреннюю целостность. Автор статьи убедительно показывает, что у Кафки отчуждение предстает как социально-экзистенциальная катастрофа, тогда как у Байрамовой — как духовная драма, вписанная в метафизический контекст, где любовь выступает высшей формой сопротивления отчуждению. Этот акцент на женской жертвенности и мифопоэтической символике делает исследование особенно ценным для понимания национальной специфики татарской прозы.

Статья отличается ясной структурой и последовательным развитием мысли. От введения, в котором обозначены цели, задачи и теоретическая база, автор логично переходит к анализу текстов, сопровождая его точными цитатами и обоснованными комментариями. Сравнительный анализ центральных образов выполнен на высоком уровне, при этом автор умело избегает пересказа сюжета, сосредоточиваясь на философской и художественной интерпретации. Особое внимание уделено символике пространств (озеро и комната), проблеме немоты героев, мотиву любви и жертвенности — всё это демонстрирует глубокое проникновение в поэтику сравниваемых произведений. Однако можно отметить, что в заключительной части текста несколько не хватает синтетического обобщения — стоило бы более чётко сформулировать, как выявленные философские параллели раскрывают универсальные закономерности литературного сознания XX века. Стиль изложения выдержан в академическом регистре, отличается логичностью, аргументированностью и образностью. Автор успешно сочетает научную строгость с художественно-аналитической выразительностью. Использование цитат на татарском языке с переводом усиливает аутентичность и демонстрирует компетентность исследователя в работе с оригинальными текстами. В работе отсутствуют речевые и пунктуационные ошибки, стиль единообразен, язык научно корректен.

Библиография подобрана тщательно и отражает современный уровень филологического знания. Представлены как фундаментальные источники по теории литературы и философии, так и актуальные исследования татарской прозы. Источники систематизированы, приведены в соответствии с академическими требованиями. Для усиления аргументации в дальнейшем можно было бы включить англоязычные работы о рецепции Кафки и исследования по философии метаморфозы в контексте постмодернизма.

Автор корректно соотносит свою позицию с мнениями оппонентов, ссылаясь на труды Давлетшиной, Загидуллиной, Ибрагимова, Шамсутовой, демонстрируя знание состояния научной дискуссии о творчестве Ф. Байрамовой. Апелляция к оппонентам выдержана в научно-конструктивном тоне, без излишней полемики, что усиливает академическую взвешенность изложения.

В целом, статья представляет собой зрелое, концептуально выстроенное исследование,

демонстрирующее высокий уровень аналитической культуры и глубокое понимание литературного материала. Она вносит вклад в развитие сравнительного литературоведения и философии литературы, предлагая оригинальное прочтение известных текстов через призму межкультурного диалога.

Полагаем, что рецензируемую статью можно рекомендовать к публикации без существенных замечаний. Возможными точками для незначительной доработки в будущих работах могут стать: более развернутая характеристика методологической базы (включение философских источников по экзистенциализму) и уточнение обобщающих выводов в финале для усиления теоретического акцента.